

Ю. В. Ермоленко

Днепродзержинск

ОСИП СЕНКОВСКИЙ - НЕПРИМИРИМЫЙ КРИТИК ТВОРЧЕСТВА НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ

Досліджується літературна полеміка між двома видатними літераторами Росії 19 ст. М. Гоголем і О. Сенковским. Розкриття особистого конфлікту письменників дозволяє розкрити тенденції розвитку й боротьбу напрямків у літературі розглянутої епохи.

Ключові слова: літературна полеміка, романтизм, реалізм

Исследуется литературная полемика между двумя выдающимися литераторами России 19 в. Н. Гоголем и О. Сенковским. Раскрытие личного конфликта писателей позволяет раскрыть тенденции развития и борьбу направлений в литературе рассматриваемой эпохи.

Ключевые слова: литературная полемика, романтизм, реализм

Deals with literary polemics between two prominent men of letters of the XIX century Russia, N. Gogol and O. Senkovsky. Personal conflict between the writers allows us to trace the tendencies and struggle between literary trends of the epoch in question.

Key words: literary polemics, romanticism, realism

В первой половине XIX века имела место достаточно неординарная ситуация, которая сложилась в переломный период демократизации русского литературного языка. Борьба между либералами и демократами в середине 50 гг. нередко формулировалась ее участниками как защита «пушкинского» или «гоголевского» направления в литературе, чему способствовали издания сочинений обоих писателей. В первую очередь нас интересует явление антигоголевской кампании и место в ней некоторых конкретных личностей.

С самого момента выхода в свет «Ревизора» и «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя начинается антигоголевская кампания. Напомним, что разделение критиков на друзей и врагов Гоголя происходило внутри объединений западников и славянофилов. Об этом писал Герцен в своем дневнике 29 июля 1842 года: «Славянофилы и антиславянисты разделялись на партии. Славянофилы № 1 говорят, что это („Мертвые души“) – апофеоз Руси, „Илиада“ наша, и хвалят, следовательно; другие бесятся, говорят, что тут анафема Руси, и за то ругают. Обратно тоже раздвоились антиславянисты».

В антигоголевском лагере оказался оскорбленный, объявленный сумасшедшим Чаадаев, писавший о «Ревизоре»: «Никогда еще нация не подвергалась такому бичеванию, никогда еще страну не обдавали такою грязью...» Скептически был настроен и его недавний издатель Надеждин, вернувшийся из ссылки, куда он отправился за публикацию «Философического письма»: «Больно читать эту книгу („Мертвые души“), больно за Россию и русских».

Н. И. Греч со своей стороны находил в «Мёртвых душах» «какой-то особый мир негодяев, который никогда не существовал и не мог существовать». Ему вторил Сенковский на страницах «Библиотеки для чтения», бросивший Гоголю: «Вы систематически унижаете русских людей». Славянофил Ф. Чижов писал автору «Мёртвых душ» в 1847 году: «я восхищался талантом, но как русский

был оскорблен до глубины сердца». К. Леонтьев, оказавший большое влияние на Розанова, признавался в «почти личном нерасположении» к Гоголю «за Подавляющее, безнадежно прозаическое впечатление», которое произвела на него гоголевская поэма.

Итак, можно назвать немало критиков, которые неприязненно писали о Гоголе: славянофилов и западников, консерваторов и просто продажных писак, защитников теории «чистого искусства» и радикалов (в частности, Писарева, находившего в Гоголе полноту «невежества», а в «Мертвых душах» – «чепуху»). Наиболее критичными по отношению к творчеству Гоголя оказались В. М. Строев и О. И. Сенковский, определение места и роли которого в литературе XIX века и являются целью данного исследования.

Татьяна Кузовкина в статье «Лишь Сенковского толкнёшь или в Булгарина наступишь, или Кто был автором рецензии на второе издание „Вечеров на хуторе близ Диканьки“» выясняет, что Гоголь был лишь полигоном для мести Строева Сенковскому. Нас интересует ещё никем неизученный вопрос литературных отношений двух ключевых фигур русского литературного процесса 30–40-х гг. XIX в. – О. И. Сенковского и Н. В. Гоголя.

Как ни странно, исследователи творчества Гоголя, среди которых можно отметить И. Я. Заславского, В. Д. Затонского, О. В. Кебы, О. М. Конончук, Д. С. Наливайко, А. Е. Нямцу, Н. П. Лебедеву, Т. С. Шевчук, а также зарубежных исследователей М. Алексеева, И. Брагинского, В. Жирмунского, А. Дима, Д. Дюришева, Х. Когорлы, Д. Комисарова, М. Конрада, А. Розенфельд, М. Цветкова, М. Шнейдера, в общем, прошли мимо этого факта, не придав ему того значения, которое он заслуживает. Между прочим, этот факт необходимо критически осмыслить, ведь каждое явление в литературе имеет огромное значение для дальнейшего её изучения и развития.

Кто же такой Осип Иванович Сенковский? Почти через две сотни лет возвращается к читателям самобытный и небезынтересный писатель, заслуженный профессор Петербургского университета, доктор философии, член разных обществ и член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, известный русский полиглот, ориенталист и литератор, основатель и редактор журнала «Библиотека для чтения» (1800–1858). В наши дни имя этого замечательного писателя и журналиста мало кому известно. В основном оно встречается в работах по журналистике, в работах, исследующих биографию Сенковского.

Очень многие современники (Е. Ахматова, А. В. Никитенко, П. Савельев, В. В. Григорьев) считали Сенковского замечательным писателем. И это благодаря деятельному, пытливому уму, разносторонним познаниям, блистательному воображению, остроумию, необычайной памяти, безграничному трудолюбию, искусству доступно излагать всем самые трудные вопросы науки. Осип Иванович не мог остановиться только на изучении Востока и на литературной деятельности, он до последних дней своей жизни пробовал себя в разных областях знаний.

В исследованиях, посвященных «Библиотеке для чтения», ее отношения с крупнейшими литераторами эпохи преимущественно рассматривались с точки

зрения глобальных проблем времени: коммерция и литература, профессионализация литературы, новаторские формы журнала, формирование нового читателя. Представляется интересным проследить их на личностном уровне: участники локальных конфликтов, обиженные авторские самолюбия, отстаивание своего достоинства и своей позиции не на страницах журнала, а в открытом письме.

Такой аспект необходим именно в отношении «Библиотеки для чтения», самого «личностного» русского журнала, где принципиальные эстетические позиции авторов часто накладываются на личные обиды, внутренняя причина и очевидный повод литературных выступлений настолько сплетены между собой, что, если рассматривать поведение Сенковского как осознанное и последовательное, то неизбежно приходишь к парадоксальному выводу – лучшие авторы ушли из журнала, потому что их выжил из него редактор. Своими, по ироническому определению самого Сенковского, «невинными шутками» он беспрестанно пополнял ряды собственных врагов и, как отметил В. А. Каверин, не только предупреждал критику на себя, но и провоцировал ее. К 1843 году, будучи редактором крупнейшего столичного журнала, Сенковский оказался в полнейшей личной изоляции.

Необходимо отметить, что критические высказывания Сенковского значительно реже, чем это принято считать, бывали грубыми и оскорбительными; острота их восприятия адресатами объясняется скорее точностью и убедительностью критики, попаданием в действительно литературно уязвимые точки оппонентов, карикатурной узнаваемостью ее персонажей.

Критика сентиментализма, насмешка над романтической школой, борьба с французским влиянием находят место на страницах произведений О. И. Сенковского. Не остается он равнодушным и к популярному в 30-е годы жанру «готического романа». Так, повесть «Висящий гость», является пародией на шиллеровские «разбойничьи новеллы», высмеивая его героев – «благородных разбойников», а повесть «Преобразование голов в книги...» – авторов, прославляющих в своих произведениях ужасы, чертей, ведьм и разбойников.

Сенковский довольно хорошо знал своих современников и, владея талантом сатирика, смог показать все недостатки и страсти человеческого рода: хитрость и глупость, вероломство и мошенничество, льстивость и эгоизм, бесчувственность и лицемерие. При очевидной доступности и массовости «Библиотека» была журналом, побуждающим читателя к самостоятельному размышлению, ломающим стереотипные представления об общеизвестных вещах. Только облечено это было по преимуществу в форму литературной провокации, придающей большинству выступлений Сенковского характер яркой, но скандальной известности, что, безусловно, способствовало всеобщему интересу к журналу, но одновременно обусловило его поверхностное прочтение.

Изучая работы о Сенковском, мы бесконечное число раз встречаем слово «враг». И понадобится много места, чтобы перечислить всех, с кем у

Сенковского были конфликтные отношения. Практически это все его современники и современные ему издания. В первую очередь, это были недовольные писатели, чьи произведения Сенковский правил на свой манер. Но в 1830-е годы был объявлен бойкот и теми писателями (Е. А. Боратынский, А. Ф. Воейков, кн. П. А. Вяземский, Д. В. Давыдов, В. И. Даль (Казак Луганский), В. А. Жуковский, И. А. Крылов, А. С. Норов, кн. В. Ф. Одоевский, М. П. Погодин, А. С. Пушкин и С. П. Шевырев), произведения которых появились в неприкосновенном виде на страницах «Библиотеки для чтения». Здесь дан, разумеется, далеко не полный список литературных врагов Сенковского. К нему можно присоединить Н. В. Гоголя, И. И. Дмитриева, Н. Ф. Павлова, Н. А. Мельгунова, В. М. Строева.

Было бы бесполезным занятием попытаться найти что-нибудь общее по литературной линии между многочисленными врагами Сенковского. Уже этот список убеждает в том, что против него боролись представители чуждых друг другу литературных поколений и направлений. Итак, Гоголь и Сенковский.

Во время изучения критических работ, посвящённых Гоголю, можно проследить, что некоторые писатели – и прежде всего Гоголь – с самого начала не приняли журнального «духа» «Библиотеки для чтения» Сенковского. Уже через 10 дней после выхода первого номера Гоголь заметил в одном из писем М. П. Погодину: «Сенковский очень похож на старого пьяницу и забулдыжника, которого долго не решался пускать в кабак даже сам целовальник. Но который, однако ж, ворвался и бьет, очертя голову спьяна, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препарат... Сенковский уполномочил сам себя властью решить, вязать: марает, переделывает, отрезывает концы и пришивает другие к поступающим пьесам» [1, с. 293].

Именно Гоголь своей статьёй «О движении журнальной литературы в 1834–1835 году» начинает новую полемическую кампанию против Сенковского. И именно эта статья окончательно порождает вражду между Гоголем и Сенковским. В этой статье Гоголь пересмотрел все журналы один за другим, и все с одной точки зрения – с точки зрения пригодности их для борьбы с «Библиотекой для чтения». А также даёт наставление всем литераторам, как постепенно и беспрерывно атаковать «Библиотеку для чтения». Именно Хлестаковым видел Гоголь Сенковского.

В 30–40-ые годы демократические, народно-разговорные тенденции получили наиболее яркое выражение в творчестве Н. В. Гоголя. Не случайно поэтому, что произведения Гоголя были предметом пристального внимания русской критики. Особенно ожесточенные критические баталии развернулись в 1842 году вокруг книги Гоголя «Мёртвые души». Враждебно настроенная критика обвиняла Гоголя в незнании русской грамматики, в безграмотности.

Один из самых враждебных и резких отзывов о поэме Гоголя принадлежал О. И. Сенковскому. В своей рецензии Сенковский также обвиняет Гоголя в незнании русского языка. При этом он комментирует следующие строки из «Мертвых душ»: «Потом выщипнул два волоска, вылезшие из носу. Странный филолог этот ваш поэт ни в стихах, ни в прозе. Во всех славянских языках, какие я знаю, нос имеет в родительном падеже носа, а шум, ветер и дым имеют

шуму, ветру, дыму: у него это наоборот!.. он говорит носа, ветра, шума, дыма! Право, странный филолог! думаете вы про себя» [2, с. 97].

Вообще, можно назвать целый список рецензий и отзывов Сенковского на произведения автора «Мёртвых душ»: Из рецензии на альманах «Новоселье» (Книга вторая. СПб., 1834), Рецензия на «Арабески» (Разные сочинения Н. Гоголя. СПб.: тип. Плюшара, 1835. Две части), Рецензия на «Миргород» Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (Н. Гоголь. СПб.: в тип. Департамента Внешней Торговли, 1835. Две части), Рецензия на «Вечера на хуторе близ Диканьки» (Повести, изданные Рудым Паньком. Изд-е второе. СПб., 1836), Рецензия на «Сочинения Николая Гоголя» (СПб., 1842. Четыре части).

Н. Г. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» объяснял вражду Сенковского к Гоголю следующими обстоятельствами: Гоголь был участником пушкинского «Современника», а в этом журнале Сенковский видел соперника своей «Библиотеки для чтения»; Гоголь был автором известной статьи «О движении журнальной литературы в 1834–1835 году»; наконец, Сенковский был оскорблен, увидев в Гоголе своего счастливого соперника в юмористических произведениях. Но следует обратить внимание на то, что поэзия русской действительности была совершенно незнакома ему. Он никогда не мог понять стихотворения Лермонтова «Люблю отчизну я, но странною любовью...»; ему был просто противен Гоголь со своими Петрушками, Селифанами, Ноздревыми и Собакевичами. Он морщился от подобного рода картин, морщился так же искренне, как искренне восхищался пестрой красотой восточной жизни [4, с. 25].

В многочисленных литературно-критических статьях и рецензиях Сенковский отстаивал консервативные взгляды. Будучи сторонником теории «чистого искусства», отрицательно относился к Н. В. Гоголю и натуральной школе. В свою очередь, Гоголь считал Сенковского своим злейшим литературным врагом, которым, к тому же, восхищалась его мать. Она искренне верила, что произведения Барона Брамбеуса написаны её сыном, Н. Гоголем.

Все эти обстоятельства, которые легко могут быть дополнены указаниями на то, что «истоки» ссоры были взяты на себя Гоголем, а не Сенковским, чья роль в русской литературе XIX века будет изучена в дальнейшем. Не исключено, что отношения Сенковского и Гоголя расходились в чисто литературном плане. С точки зрения теоретических воззрений Сенковского, настаивавшего на выпрямленном языке, на фразе смыслового, а не эмоционально-образного типа, проза Гоголя далекая от грамматической стройности, развившая индивидуальный язык героев, должна была казаться совершенно неприемлемой.

Библиографические ссылки

1. **Гоголь Н. В.** Полное собрание сочинений. Т. 10.: [Текст] / Н. В. Гоголь. – М.: АН СССР, 1952.
2. **Зелинский В.** Русская критическая литература о произведениях Н. В. Гоголя. Ч. 2.: [Текст] / В. Зелинский. – М., 1898. – 97 с.

3. **Кузовкина Т.** «Лишь Сенковского толкнёшь иль в Булгарина наступишь, или Кто был автором рецензии на второе издание „Вечеров на хуторе близ Диканьки“»: [Электронный ресурс] / Т. Кузовкина. – Заголовок с экрана. – Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/13/kuzovkina13.shtml>.
4. **Соловьев Е. А.** Биографический очерк Сенковского (Санкт-Петербургская библиотека, 1891): [Электронный ресурс] / Е. А. Соловьев. – Заголовок с экрана. – Режим доступа: <http://www.rulex.ru/01180894.htm>.
5. **Чернышевский Н. Г.** Очерки Гоголевского периода (Санкт-Петербургская библиотека, 1892): [Электронный ресурс] / Н. Г. Чернышевский. – Заголовок с экрана. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/krit/krit18_1.htm.
6. Николай Гоголь: [Электронный ресурс]. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Nikolai_Gogol.
7. Осип Сенковский: [Электронный ресурс]. – Заглавие с экрана. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Osip_Senkovski.

Надійшла до редколегії 21.05.2009.

УДК 821.161.1-3

Н. М. Захарчук
Белгород-Днестровский

СИМУЛЯКРЫ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «GENERATION П»

Розглядається вплив симулякрів на об'єктивну дійсність в контексті роману В. Пелевіна «Generation П».

Ключові слова: симулякр, постмодернізм, соліпсизм.

Рассматривается влияние симулякров на объективную действительность в контексте романа В. Пелевина «Generation П».

Ключевые слова: симулякр, постмодернизм, солипсизм.

The influence of simulacra on the objective reality in the context of V. Pelevin's novel "Generation P" is analyzed.

Key words: simulacra, postmodernism, solipsism.

Литература постмодернизма гораздо сложнее, чем ее можно представить себе на первый взгляд. Это своеобразная антисистема, в которой идеи, высказываемые автором и героями, амбивалентны, то есть путь к сознанию лежит через пустоту, отрицание, которое читатель заполняет удобными ему образами и смыслами. Достающаяся читателю свобода является его же ограничением и вечным вопросом – прав ли я? Или же кто прав? И должен ли быть кто-то прав, или же все только красивая картина, нарисованная автором. Одной из наиболее интересных проблем постмодернизма в литературе является построение – использование симулякров в произведениях писателей-постмодернистов.

В постмодернистской эстетике симулякр занимает место, принадлежащее в классических эстетических системах художественному образу. Однако если образ (копия) обладает сходством с оригиналом, то симулякр уже весьма далек от своего первоисточника. Впервые разработал теорию симулякров Жиль Делез, который рассматривает симулякр как «знак, который отрицает как оригинал, так и копию» [3]. Жан Бодрийяр определяет симулякр как «псевдовещь, замещающую «агонизирующую реальность» постреальностью посредством симуляции, выдающей отсутствие за присутствие, стирающей